

ОДНО ЯБЛОКО.
ОДНА ОШИБКА.
МНОГО ЖЕРТВ.

КРАСНЫЙ САД

ПАПИРОВКА
Сорт: Красный сад
Партия: 0427
Масса: 10 кг
НЕ ДЛЯ СЫРОГО
УПОТРЕБЛЕНИЯ

Красный сорт
— устойчив
— плотный
— токсичен

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР
С АГРОПРОИЗВОДСТВЕННЫМ НУАРОМ

18+

Алексей Петровка

Красный сад

<https://litres.ru/74363978>

SelfPub; 2026

Аннотация

В заброшенной лаборатории, где прежде выводили рекордные урожаи «Папировки», Северина Франк работает одна. Ей в наследство оставлен подопытный сорт — твёрдый, красный, плотный. Плод уничтожает насекомого, но в теле человека гниль бродит как квартирант — беззвучно, пока не выключит печень. Северина продала первую партию в соседнюю школу, и один ребёнок уже мёртв. Теперь каждый короб яблок в округе — это её конкретная вина, взвешенная, упакованная, с этикеткой. У неё есть 48 часов до массового отравления на ярмарке. Может ли она вывести антидот до того, как Красный сад решит, кто в нём сорняк?

Содержание

Первая проба	4
Ком в горле	10
Гниль внутри	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Петровка

Красный сад

Первая проба

Северина прикрутила горелку, и запах гнилого жмыха стал гуще. Лаборатория в «Северном сороке» плавала в желтом свете ламп, смешанном с дизельной гарью. Она потянулась к планшету с таблицей сортовой проверки, когда дверь содрогнулась от удара.

Учительница из школы-интерната, Марина Степановна, ввалилась внутрь, держа на руках девочку. Ребенок обвис, лицо серое, губы синие. Из рта пахло кислым — той самой кислой царевной, которую Северина подписала на прошлой неделе.

— Она ела ваши яблоки, — сказала учительница, и голос у нее ломался на середине фразы. — Сначала смеялась, потом побелела. Я бежала через весь поселок.

Северина взяла девочку, легкую как пустая ларя, и положила на препаратный стол. Пальцы у нее уже подрагивали, когда она раскрыла веко: зрачок не реагировал на фонарик.

— Тошнота? Судороги? — спросила она, нашаривая в кармане красный мультитул. Шило в нем выпало еще в ав-

густе, и теперь она вертела в руках тяжелый предмет, будто он мог помочь.

— Она почти не дышит, — ответила Марина Степановна и осела на табурет.

Северина надавила на грудину девочки. Ничего. Тогда она ударила по щеке, легко, пробуя; веки дрогнули, но не открылись. В лаборатории висела мертвенная тишина, слышно было, как капает вода из крана — кап, кап, кап, каждый удар как отсчет.

— «Царевна», — проговорила Северина, и собственный голос показался чужим. — Ей давали мякоть с кожурой?

— Яблоко из столовой.

Северина вскрыла тест на амигдалин — полоска посинела на третьей секунде. Она всмотрелась, выдохнула: синева не уходила. Синильная кислота в толстой дозе, не случайная, не биологическая; кто-то впрыснул в плоды, выращенные на больной почве. Северина провела пальцем по коже спелого яблока из коробки с маркировкой «Царевна, партия 7». Под пальцем осталось маслянистое пятно, прозрачное, почти незаметное. Она лизнула кончик пальца — язык онемел мгновенно.

Она убрала образец в пластиковый бокс, закрыла крышку и на миг замерла. Руки ее не дрожали. Теперь, когда тело лежало на столе, когда горький запах яда смешивался с запахом гниющих яблок, внутри разверзлась пустота — как разошедшаяся трещина на подвойном срезе. Она подписа-

ла это разрешение сама. Своей рукой. Не проверив тесты на млекопитающих.

В кармане завибрировал телефон. Северина выхватила его, не глядя на экран, — набрала Гурия. Гудки шли ровные, длинные. Она представила, как он сидит в подсобке, гладит свой кожаный перстень с тряпицей в зазоре, смотрит на телефон и считает, до какого гудка можно дотянуть.

Не ответил.

Северина отдала учительнице шприц с атропином — дозу она перепроверила дважды — и побежала в школу, через мокрый октябрь, через липкую грязь, через заросли сувитого кустарника. Ветер тащил запах дизельного генератора от школьной котельной, и гнилой жмых прилипал к подошвам.

Коридор интерната встретил ее грохотом: Тимофей Лука, сторож, катил пустую яблочную ларю, и та гремела о кафель, как барабан. Рукава его куртки были закатаны, на предплечье — татуировка с военной аббревиатурой. Он остановился, увидел ее вымазанное лицо, липкие волосы, красный мультитул в руке.

— Компрометирующий материал, — сказал он и кивнул в сторону подсобки. — Полов там. Яблоки считает.

Северина двинулась к подсобке. Дверь была приоткрыта, за ней мелькнула спина Гурия: он быстро складывал что-то в рюкзак, свернутые бумаги, пакеты. Когда она вошла, он обернулся, и на полу остался лежать обрывок накладной.

— Ну-с, ты утен у нас по яблочной части, — сказал он,

не улыбаясь. — Ребенка в реанимацию увезли. Ты знаешь, что дальше будет.

Северина подняла обрывок. Там было написано: «Подвой венгерский, контрабандный, фосфоросодержащие отвалы. Партия 7. Отбраковка не проводилась».

— Ты знал, — сказала она, и голос сел на середине. — Ты знал, что этот подвой из порта, с полигона. Ты подписал документы на закупку.

Гурий расстегнул рюкзак, вытащил пачку накладных и бросил на стол. Сверху лежала бумага с подписью Тимофея: «Приемка и хранение. Ответственный — Лука Т.А.» Подпись была свежая, чернила не просохли.

— Вот твой виноватый, — сказал Гурий. — Он принимал, он складировал. Он и отвечал за условия.

— Это его подпись? — Северина потянулась к бумаге, но Гурий быстро сгреб ее обратно в рюкзак.

— Ты же знаешь Тимофея. Молчит — значит, скрывает.

Северина оглянулась. В двери стоял Тимофей — закатанные рукава, застывшее лицо, взгляд на полу. Он молчал. Но запах от него был отчетливый: кислая царевна, кожура, мякоть. Он жевал яблоко минуту назад.

— Методички у меня в сторожке, — сказал он, когда Гурий вышел в коридор под предлогом «документы поднести». — Армейские. По антидотам при отравлении цианидами. Протоколки, по остатку.

Северина сжала мультитул. Шило так и не нашлось.

Тимофей отвел ее в сторожку, и там, среди запасной формы и банок с гуталином, достал из сейфа папку. На обложке — потрескавшийся штамп «Для служебного пользования». Он раскрыл на странице с таблицей симптомов.

— Смотри вектор: если точечные кровоизлияния на склерах, это фосфор. Если судороги, потом угнетение — это цинк. У девочки что было?

— Сначала смех. Потом обмякла.

Тимофей хлопнул папку, и по лицу его пробежала тень, похожая на отсвет дальнего пожара. Он достал из кармана обрывок накладной — той самой, что Гурий держал мгновение назад — и протянул ей.

— Он подкинул, — сказал сторож. — Я не подписывал. Он подделал. Я видел документы еще до приема, там был штамп «Биологическая опасность». Гурий знал о яде раньше, чем ты. Он везет рюкзак в город, чтобы сжечь бумаги.

Шум в коридоре нарастал: Гурий вышел из подсобки, с рюкзаком на плече, быстрым шагом направился к боковому выходу. Северина ринулась за ним, но он уже толкал тяжелую дверь, и холодный воздух октября ворвался в коридор вместе с запахом гнилых яблок.

— Гурий! — крикнула она, и эхо разлетелось по кафелю.

Он обернулся на пороге. Лицо его было спокойно, как у человека, который ничего не боится, потому что все просчитал. Он оглянулся на Тимофея, стоявшего в дверях сторожки, и улыбнулся себе.

— Покупаю сад завтра, — сказал он тихо. — Весь массив. По нынешним ценам — за бесценок.

Он шагнул за дверь, и грохот пустой лари в коридоре заглушил его шаги. Северина выбежала на крыльцо — но его уже не было видно; только хвост фар скользнул за поворот, да телефон в кармане ожил, завибрировал.

Она набрала номер Гурия — и он ответил:

— Ты думала, я брошу тебя в беде?

Ком в горле

Капли дождя стучали по железному козырьку крыльца, как отсчёт, который никто не просил начинать. Северина смотрела на маслянистое пятно на асфальте, туда, где стояла машина Гурия. Оно растекалось под водой, расползаясь тёмными чернильными лучами, и она знала: ещё минута — и его смоем.

— Он поехал в город, — сказала она, не оборачиваясь. — Сжечь бумаги.

Тимофей стоял в дверях, придерживая створку плечом. Рукава его форменной куртки были закатаны до локтей, и капли дождя оседали на голой коже.

— Возможно.

— Ты видел его машину. Масляное пятно. Такое бывает только после долгой стоянки, когда картер пробит. Он был здесь задолго до того, как я пришла. Он ждал меня.

— Или ждал момент уйти.

Северина сжала край перил. Пальцы побелели, но она не отпускала. Где-то в палате девочка дышала через трубку, и этот ритм — вдох-выдох, вдох-выдох — звучал у неё в голове громче дождя.

— Нужно ехать в сад. Проверить подвой. Если он успел что-то сделать с деревьями до того, как уехал, следы будут там.

Тимофей переступил с ноги на ногу. Он долго молчал, глядя на пятно, которое уже почти исчезло под водой.

— Ты хоть понимаешь, — сказал он наконец, и голос его сел на середине, — что мы уже в ловушке?

Она не ответила. В кармане завибрировал телефон. Она выхватила его, но на экране был не Гурий — номер Вана Хо Пено.

— Да.

— Есть данные по анализам девочки, — голос Вана звучал ровно, как всегда, но в конце фразы он будто проглатывал остаток слова. — Приезжай. Сам смотри, потому что по телефону не могу.

Северина выдохнула и посмотрела на Тимофея.

— Больница. Ван нашёл что-то.

Тимофей кивнул, но не сдвинулся с места, и она поняла: он не поедет. Она спустилась по мокрым ступеням, и дождь сразу вплёлся в волосы, тяжёлый, холодный. Где-то за деревьями, за чертой города, ей казалось, ещё виднеется хвост фар.

В реанимации пахло формалином и ещё чем-то — приторным, гниlostным. Северина остановилась в дверях: на тумбочке у кровати девочки стоял пакет с яблоками. Кто-то принёс, не спросив. Красные, гладкие, с той самой царапкой на боку, которую она знала до последней трещинки.

Ван Хо Пено стоял у стола, склонившись над пробирками. Синяя брошь на воротнике его халата поблёскивала под

лампой, когда он поворачивался.

— Ну-с, — сказала Северина, и слово вышло сухим, — что ты скрываешь?

Ван не обернулся. Он долго вертел пробирку в пальцах, потом поставил её на стол и медленно, почти лениво, сунул руку в карман халата. Северина увидела, как ткань натянулась, выпирая круглым контуром, — колба.

— Я ничего не скрываю, — сказал он своим ровным, дееспричастным говором. — Алгоритм прост: берём пробу, прогоняем по протоколке, получаем результат. Ясненько.

— Тогда почему колба в кармане?

Он замер. Пальцы его сжались на краю пробирки, и Северина увидела, как побелели костяшки.

— Ты видел этот яд раньше, — сказала она не вопросом, а утверждением. — На ярмарке. «Вчерашний день». Ты брал образцы с той партии и не доложил.

Ван Хо Пено молчал долго. Потом он вытащил колбу из кармана и поставил её на стол, рядом с остальными. Жидкость в ней была мутной, жёлтоватой, с осадком на дне.

— Я видел корреляцию, — сказал он, и голос его дрогнул на середине, — но не был уверен. Протоколки не давали полной картины. Для меня это был нормый перегон — проба, которую можно отложить. Не более.

— Отложить? — Северина шагнула к нему. — Девочка лежит с трубкой в горле. Сколько партий ушло с этой ярмарки?

— Три.

Он произнёс это без выражения, и тишина в палате стала плотной, как смола. Северина посмотрела на девочку, на её бледное лицо, на монитор, который пищал ровно, без сбоев. Потом перевела взгляд на Вана.

— Вы хоть понимаете, — сказала она, и голос её сорвался, — что этими руками вы убили ребёнка?

Ван Хо Пено не ответил. Он смотрел на колбу, и лицо его было таким же ровным, как его голос.

Трасса за городом была пустой, и дождь хлестал по лобовому стеклу, размывая ночь в серую массу. Северина вела машину, сжимая руль так, что пальцы немели. Фары вырывали из темноты мокрый асфальт, и ей казалось, что где-то впереди, за поворотом, маячит силуэт машины Гурия.

Она увидела его у старого придорожного кафе, там, где трасса сужалась к мосту. Машина стояла боком, фары погашены, и Гурий ждал её, прислонившись к капоту.

Она затормозила, не глуша двигатель. Дворники ритмично ходили, как метроном, отсчитывая секунды, которые она не хотела тратить.

— Ты хотел меня запугать? — крикнула она, опустив стекло до половины.

Гурий не двинулся. Дождь стекал по его лицу, и кожаный перстень на пальце блестел, как мокрый камень.

— Утен, — сказал он, — ты приехала зря. Лавэ уже переведено, доки сожжены. Сад завтра мой.

— Я записываю.

Он усмехнулся, и в полутьме его лицо стало чужим, плоским.

— Роканье, Северина. Ты думала, я не знал, что эти яблоки — сувитый? Знал. Сорт сырой, я тебе говорил. Только ты у нас — наука, тебе и отвечать.

Она вытащила руку из-за руля, сжимая диктофон. Красная точка мигала, и она видела, как взгляд Гурия скользнул по ней, задержался, но он не шагнул ближе.

— Ты сказал достаточно, — отрезала она. — Теперь это улика.

Он долго смотрел на неё, потом развернулся, сел в машину и уехал, не сказав больше ни слова. Только хвост фармелькнул и пропал за поворотом, оставив её одну на обочине под дождём, с диктофоном в руке, где всё ещё пульсировала его запись.

Она посмотрела на диктофон, потом на небо, которое не собиралось светлеть. В ухе всё ещё стоял его голос, ровный и круглый, как камень.

Она сжала диктофон в кулаке:

— Теперь ты не смоешь свой след, Гурий. Я найду тебя даже в земле.

Гниль внутри

Северина стояла у капота, и дождь барабанил по жести, пока она совала руку в карман куртки. Пальцы нащупали мокрый, скомканный обрывок накладной — Тимофей сунул ей его перед уходом, в темноте, почти на бегу. Она развернула бумагу, но буквы расплывались в черноте, и тогда она потянулась к дверце, включила фары. Жёлтый луч выхватил из мрака столб дождя, и она поднесла обрывок к свету.

Цифры, размытые, смазанные влагой. Партия, дата, подпись — всё знакомо, всё как у Тимофея в накладных, которыми он прикрывал поставки из порта. Она уже хотела свернуть бумагу обратно, когда заметила в нижнем углу отпечаток — кривой, скошенный, будто штамп ставили в спешке, на весу. Якорь, перечёркнутый трещиной. Она таких не видела. Не таможенный, не карантинный, не сертификационный. Она повернула обрывок ближе к фаре, и в этот момент из-за поворота вынырнул свет — пара фар, длинный тёмный силуэт машины, которая шла медленно, слишком медленно для этой дороги.

Северина нырнула за капот, пригнувшись, сжимая обрывок в кулаке. Серый «патруль» Гурия — или ей показалось? Она не могла видеть лица за мокрым стеклом, но машина тормозила у кафе, у того самого места, где они стояли полчаса назад. Северина считала удары пульса во рту, на язы-

ке, пока фары шарили по стоянке, выхватывая пустые места. Мотор работал на холостых, и ей казалось, что она слышит сквозь шум дождя, как открывается дверца. Она замерла, вжавшись в мокрую сталь, и обрывок накладной прилип к ладони.

Двигатель взревел, фары качнулись, и машина ушла назад, за поворот, к трассе. Северина выдохнула, но колени дрожали, когда она поднялась. Она развернула обрывок сно-ва. Якорь и трещина — штамп был отпечатан поверх номера партии, прямо на зелёной полосе, которой помечали импортный подвой. Она провела пальцем по краю: чернила тёмные, почти чёрные, въевшиеся в бумагу. Не таможенный — те ставят фиолетовые, с датой и кодом. Этот был другой. Она сунула обрывок во внутренний карман, где лежал диктофон, и села в машину, завела двигатель, выезжая на трассу.

В сторожке Тимофея горел жёлтый свет, и запах дизельного генератора смешивался с гнилым плодовым жмыхом — две струи, одна тяжёлая, другая сладковатая, и обе липли к горлу. Северина толкнула дверь, не постучав. Тимофей сидел за столом, перед ним стояла кружка, а на коленях лежала армейская методичка, старая, с выцветшей обложкой. Он поднял голову, и его глаза были красные, с тяжёлыми веками.

— Ты должен это видеть, — сказала она и бросила обрывок на стол, перед ним.

Он не взял его сразу. Посмотрел на бумагу, потом на неё,

и его палец лёг на штамп, но не коснулся — замер в миллиметре.

— Где взяла?

— Ты дал. В темноте, когда уходил.

Тимофей долго молчал. Он взял обрывок, поднёс к лампе, повернул. Положил обратно и сказал, обрывая фразу:

— Это не накладная.

— Я вижу.

— Я таких не видел. — Он откинулся на стуле, скрестив руки. — Контрабанда — да. Порт — да. Но этот штамп... — Он замолчал, и его взгляд ушёл куда-то в сторону, на стену, где висела старая карта района. — Я видел похожий. В порту, когда разгружали ящики. Два года назад, может. Я тогда ещё в охране работал.

— И что это было?

Тимофей взял кружку, отхлебнул, но не поставил — держал, как будто она согревала ему ладони. Сказал, глядя в пол:

— Ящики с маркировкой «К-9». Пришли с военного полигона, того, что за сороковым участком. Грунт оттуда возили на удобрение, лет десять назад, пока не закрыли на карантин.

Северина села напротив, не спросив разрешения. Она слышала о полигоне — старые карты, закрытые зоны, почва, пропитанная цианидами. Она знала, что там нельзя ничего растить, но землю возили куда угодно, и никто не проверял,

потому что проверять было некому. Она сказала:

— Подвой. Ты понимаешь, что это значит? Если подвой выращен на этой земле, в нём нет случайной мутации. Это не сорт, это накопление. Яд в каждом плоде — это не ошибка селекции, это грунт.

Тимофей не ответил. Он смотрел на обрывок, и его лицо стало жёстче, старше. Потом он сказал:

— Ты подписала разрешение на поставку.

— Я подписала разрешение на сорт, — Северина услышала, как её голос дрогнул, и громко сглотнула. — Я не проверила происхождение саженцев. Я взяла данные из отчёта, который дал мне Ван Хо, и...

— Ты подписала, — повторил он, обрывая её. — Не Ван Хо. Ты.

Она смотрела на свои руки, лежащие на столе. Пальцы белёсые, с вьёвшимся в кожу каучуком от перчаток. Они подписали. Они поставили круглую печать лаборатории, своё имя, дату. Она сказала:

— Я виновата не меньше его.

Тимофей не кивнул, но и не возразил. Он убрал кружку, встал и подошёл к окну, где дождь стекал по стеклу, размышляя жёлтый свет. Сказал, не поворачиваясь:

— В лаборатории, в третьем шкафу, есть старые отчёты. Те, что не занесли в базу, с две тысячи девятнадцатого. Может, там есть что-то на этот подвой.

Северина уже шла к двери, но он остановил её:

— Только не говори, куда идёшь. Если кто-то спросит — ты уехала.

Она кивнула и вышла под дождь, и сторожка осталась за спиной, жёлтая, как маяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.